

Мария Вель

*Лифт, тьма и босс:
неожиданная близость*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Вель

**Лифт, тьма и босс:
неожиданная близость**

«Автор»

2026

Вель М.

Лифт, тьма и босс: неожиданная близость / М. Вель — «Автор»,
2026

Кира ведущий менеджер, для которой карьера важнее всего. Она скрывает от коллег две вещи: тяжёлую семейную ситуацию (уход за младшей сестрой после гибели родителей) и мучительную клаустрофобию. В один из бесконечных рабочих вечеров, задержавшись допоздна, она вынуждена спуститься на лифте свет на лестнице погас, а времени на ожидание нет. Но судьба готовит ей сюрприз: в лифте оказывается её босс, Игорь Олегович, с которым у неё до этого были лишь формальные отношения. Когда в тесном пространстве гаснет свет и лифт замирает, между ними начинается разговор, который перевернёт их жизни. Что это случайность или судьбоносная встреча? И как изменится всё после этой тёмной поездки?

© Вель М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мария Вель

Лифт, тьма и босс: неожиданная близость

Пролог

Кира ненавидела этот час. Двадцать один сорок три. Время, когда пустые коридоры конторы на двадцать восьмом ярусе начинали гудеть старой проводкой, а за огромным окном всю стену Москва-река превращалась в черную ленту с редкими бусинами огней.

Она осталась одна. Снова.

Отчет для правления должен был лечь на стол Игоря Олеговича к утру. Кира смотрела в столбцы цифр, но видела перед собой только бледное лицо младшей сестры Светы и рецепт на дорогие порошки, зажатый в ее собственных пальцах вчера вечером. Только бы она продержалась до следующей седмицы. Только бы не увезли снова. Денег почти не осталось. Мать с отцом давно истлели под тяжелыми камнями на дальнем погосте, оставив двух девчонок самих по себе. Страх остаться без средств душил сильнее любой нехватки воздуха.

Кира потеряла переносицу. Веки жгло. Голова казалась тяжелой, словно чугунный котел. Она встала из-за стола, чтобы размять затекшую спину. Путь домой предстоял неблизкий через весь город на самый край старого района. Обычно она ходила пешком по широкой лестнице, считая пролеты. Это помогало держать себя в узде. Ходьба отрезвляла, заставляла дышать ровно. Но сегодня ноги гудели так, что мысль о ста ступенях вниз вызывала тошноту.

Нужно было просто переждать минуту в железной коробке. Всего лишь спуститься.

Створки лифта разъехались бесшумно. Внутри горел мягкий желтый свет. Кира шагнула внутрь, нажала кнопку первого яруса. Кабина мягко дрогнула и начала плавное падение вниз. Она прислонилась затылком к прохладному металлу стены. Закрыла глаза. Всего пятьдесят секунд тишины. Никто не звонит, никто ничего не требует.

Кабина резко дернулась. Раздался скрежет, от которого свело зубы. Желтая лампа над головой моргнула раз, другой и погасла. Наступила крошечная темнота, густая и осязаемая, как бархат. Пол ушел из-под ног. Лифт замер между двадцать шестым и двадцать пятым ярусами.

Сердце пропустило удар. Нет. Вдох застрял в горле колючим комом. Кирпичные стены старинного дома напротив, пыльный чердак, куда их со Светой запер пьяный отчим, теснота гроба... Воздуха вдруг стало мало даже здесь, в просторной кабине. Пальцы сами впились в борт пиджака, разрывая плотную ткань. Спина покрылась липким потом. Нельзя кричать. Если она закричит, потолок рухнет прямо на макушку.

Вот ведь напасть, раздался в темноте низкий, совершенно спокойный голос. Тот самый голос, от которого у всего отдела пересыхало во рту. Игорь Олегович.

Он стоял в углу. Кира поняла это по тому, как сместилась тень. Он был здесь все это время, пока она витала в своих мрачных думах. Начальник сделал шаг вперед. Деревянный пол тихо скрипнул под его тяжелым шагом. Пространство разом съежилось, став крошечным. Запах дорогого табака, озона после грозы и чего-то терпкого, мужского, окутал ее плотной волной. Он подошел вплотную, едва не задев плечом.

Вы целы? спросил он совсем рядом. Его дыхание коснулось ее виска.

Кира судорожно кивнула, хотя знала, что он этого не видит. Горло сдавило невидимой петлей. Хотелось вжаться в угол, стать плоской, исчезнуть.

Не стойте там, упадете при рывке, его большая ладонь нашла ее локоть. Теплая, тяжелая, настоящая. Держитесь за мой рукав.

Его пальцы чуть сжали ее руку выше запястья. Жест вышел властным, обыденным, но Киру прошло током от макушки до пят. Она вцепилась в грубую шерсть его пальто, пряча лицо в тени. Сердце теперь не просто пропускало удары оно билось где-то в глотке, мешая сглотнуть.

Я распорядился починить эту рухлядь еще в прошлом месяце, глухо произнес Игорь, глядя поверх ее головы на темные створки. Старье. Мой дед строил эту контору, думал на века, а вышло...

Он замолчал. Тишина стала плотной, давящей. Кира чувствовала жар, исходящий от его тела сквозь слои одежды. Чувствовала, как дрожат собственные колени. Ей нельзя стоять так близко. Нельзя чувствовать запах его кожи. Нельзя замечать, как часто вздыхается его грудь в такт сбившемуся дыханию.

У вас руки ледяные, заметил он внезапно.

Кира попыталась вырвать локоть, но он держал крепко, не причиняя боли, но и не давая свободы. Просто холодно, выдавила она сипло. Вас трясет, констатировал Игорь. Он повернулся к ней всем корпусом. В абсолютном мраке она видела только силуэт его широких плеч и блеск глаз. Послушайте меня. Сделайте глубокий вдох. Медленно. Как будто пьете густой настой через соломинку.

Кира послушно втянула носом воздух. Пахло им. И пылью механизма. Грудь поднялась, натягивая пуговицы блузки. Легче не стало ни на волосок. Наоборот, от нехватки кислорода потемнело в глазах.

Еще раз, приказал он шепотом. Теперь его губы были в десяти сантиметрах от ее уха. Со мной.

Он выдохнул вместе с ней. Их плечи соприкоснулись. Случайно. Или нет? Кира забыла, как выпускать воздух из легких. Весь мир сузился до этой точки касания шерстяного пальто и тонкой шерсти ее делового костюма. До жара чужой ладони, все еще сжимающей ее предплечье.

Лампа над головой вспыхнула, больно резанув по привыкшим к тьме глазам. Створки с лязгом сомкнулись, скрывая кусок освещенного коридора, и кабина снова поползла вниз, уже плавно, уверенно.

Игорь тут же отпустил ее руку, отступив на шаг назад, возвращая между ними положенную уставом дистанцию. Лицо его снова стало непроницаемой маской строгого надзора.

Первый ярус, объявил механический голос. Доброго вечера.

Двери открылись. Кира вывалилась в холл, жадно хватая ртом прохладный воздух вестибюля. Ноги подкосились, и она тяжело оперлась о мраморную колонну. Пальто начальника мелькнуло в дверях выхода и растворилось в вечерних сумерках.

Кира опустила взгляд на свою правую руку. Подушечки пальцев все еще помнили тепло его ладони. А на манжете ее лучшей рубашки остался длинный черный след смазанная угольная полоса от его рукава. Метка.

Она стояла посреди гулкого пустого холла, прижимая ледяную ладонь к груди, пытаясь успокоить бешеный стук. Что это сейчас было? Обычная вежливость старшего? Или нечто иное, чему нет названия в старых книгах? Свет фар проезжающего мимо авто мазнул по стеклу дверей. Кира вздрогнула. Нужно идти. Нужно забыть. Но сердце, глупый мотылек, знало: эта темная поездка изменила всё.

Глава 1

Утро началось не с запаха свежего хлеба или крепкого взвара, а с пронзительного вопля будильника. Кира смахнула его со столешницы, чудом не опрокинув стакан с водой. Шесть утра. За окном серость, типичная для конца осени.

Света спала в соседней комнате, свернувшись калачиком. Дыхание ровное значит, ночь прошла спокойно. Кира на цыпочках пробралась на малую кухню, поставила чайник. Руки двигались сами по себе: заварить травяной сбор, намазать тонкий слой масла на сухой хлеб. Привычные действия успокаивали. Пока тело занято простым трудом, голова может молчать.

Воспоминание о вчерашнем лифте пришло именно сейчас, когда она грела озябшие пальцы о горячую кружку. Вспышка темноты. Запах табака. Жар его бока, прижавшийся к ее плечу. Кира нахмурилась, плеснула кипятком в раковину, смывая эти мысли. Ерунда. Игорь Олегович гранит. Человек-стена, человек-наказ. Он смотрит сквозь сотрудников, как сквозь прозрачное стекло. Для него Кира лишь пара умелых рук, закрывающих провалы в квартальных отчетах. Вчера ему просто стало скучно в темноте, вот и решил поговорить с подчиненной. Проверить крепость нервов своего лучшего кадра.

На работе царил обычная утренняя суета. Опрокидывали стулья, пахло мокрой одеждой и дешевым одеколоном. Кира поздоровалась с парой соседей по отделу, надела наушники и погрузилась в таблицы. Цифры любили ее. Они никогда не лгали, не требовали заботы и не болели воспалением легких.

Соколова.

Голос раздался прямо над ухом. Кира вздрогнула, едва не снести клавиатуру. Рядом стоял он. Высокий, плечистый, в неизменном темно-сером костюме, который сидел на нем как вторая кожа. Седина на висках добавляла ему суровости, а тяжелый подбородок делал лицо высе-ченным из камня.

Отчет готов? Игорь Олегович протянул широкую ладонь, не дожидаясь ответа. Его палец случайно задел костяшки ее руки, лежащей на столе. Легкое, мимолетное прикосновение, которое обожгло кожу сквозь тонкую вязь перчаточного загара. Срок истекает через два часа.

Почти, Кира поспешно подвинула к нему папку, стараясь смотреть только на бумагу. Осталось свести итог по северному направлению. Там вышла задержка поставок из-за поломки повозок.

Игорь взял листы. Его большой палец лег точно на то место, где цифра выходила за пределы ячейки. Он долго смотрел в документ, затем медленно поднял голову. Взгляд тяжелый, изучающий, требовательный уперся ей прямо в переносицу.

Вы плохо спали, сказал он негромко. Так, чтобы не слышали другие. У вас тени под глазами цвета дорожной пыли. Напасть какая-то?

Кира почувствовала, как кровь приливает к щекам. Предательский румянец. Черт возьми, почему сердце пропускает удар? Он заметил. Заметил ее слабость, которую она прятала под слоем дорогой пудры. Зуб болит, соврала она первое, что пришло в голову. Всю ночь ныл.

Уголок его рта едва заметно дернулся вверх. Не улыбка, а лишь намек на нее. Таблетки принимали? Да, помогает слабо.

Он наклонился ниже, опираясь обеими руками о край ее стола. Пространство вокруг них мгновенно перестало существовать. Коллеги за спиной превратились в размытые пятна. Кира уловила тот самый запах смесь морозного утра, дорогого сукна и его собственной кожи. Захотелось сделать шаг назад, но стул был надежно прижат к тумбе.

После обеда зайдите ко мне в кабинет, проговорил он своим низким голосом, от которого вибрировали оконные стекла. Дам вам особый отвар. Моя бабушка собирала травы в верховьях Волги. Лучше всякого зелья из аптеки.

Сказал и выпрямился, возвращая себе привычный рост и отстраненность. Развернулся и пошел к выходу, бросив на ходу: чтобы цифры сошлись копейка в копейку. Мне нужен чистый результат.

Кира сидела неподвижно еще целую минуту, глядя в пустой проход. Ладони мелко дрожали. Особый отвар. Зачем он это сказал? Почему предложил помощь лично, вместо того чтобы просто велеть сходить к лекарю? Она посмотрела на свои руки. Там, где утром скользнули его пальцы, кожа до сих пор горела.

День тянулся невыносимо долго. Каждый звук громких шагов в коридоре заставлял ее оборачиваться. Она трижды перепроверила итог по северному направлению, боясь найти ошибку. Ошибка сейчас была равносильна позору. Когда стрелка часов показала половину третьего, желудок свело голодным спазмом, но еда в горло не лезла.

Ровно в четырнадцать ноль-ноль она постучала в дубовую дверь его покоев.

Входите.

Кабинет Игоря Олеговича всегда поражал Киру своей холодной простотой. Массивный стол, кожаные кресла, книжные полки до потолка. Никаких лишних вещей. Никакого намека на личную жизнь. Казалось, хозяин этого места состоит только из воли и долга.

Игорь сидел в кресле, просматривая какие-то ведомости. Он указал взглядом на стул напротив. Кира села на самый краешек, сложив руки на коленях, как школьница.

Показывайте ваш зуб, усмехнулся он, откладывая бумаги. Он прошел, быстро сказала Кира. Спасибо, беспокойство напрасно.

Игорь хмыкнул. Он поднялся, подошел к высокому шкафу из темного дерева. Достал оттуда небольшой глиняный сосуд с плотно притертой крышкой. Налил в крышку густой, темно-янтарный настой. По кабинету поплыл тягучий аромат меда, мяты и еще чего-то горьковатого, лесного.

Пейте мелкими глотками, он протянул ей теплое дерево. И дышите паром.

Их пальцы встретились на ободке крышки. На этот раз касание длилось дольше. Он не убрал руку сразу. Замер, внимательно глядя ей в глаза сверху вниз. Кире показалось, что пол качнулся. Воздуха вдруг стало мало в огромном кабинете. Она сделала судорожный вдох, втягивая запах настоя вперемешку с запахом его парфюма.

Горячо, прошептала она, чтобы хоть что-то сказать. Потерпите, его голос стал ниже еще на полтона. Большой палец погладил тыльную сторону ее кисти одно легкое движение, длившееся долю мгновения, прежде чем он выпустил сосуд. Боль уходит страхом. Перестаньте бояться.

Кира поднесла крышку к губам. Жидкость обожгла язык сладостью. Она закрыла глаза, делая глоток. Когда она открыла их, Игорь стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на серый город. Профиль жесткий, линия челюсти напряжена.

Она допила отвар. Зуб действительно перестал ныть, но внутри разгорался иной огонь. Огонь тревоги.

Итоги готовы? спросил он, не оборачиваясь. Да, Кира встала, ноги слушались плохо. Оставить на столе?

Он обернулся. Шагнул к ней, сокращая расстояние до опасного минимума. Наклонил голову набок, рассматривая ее лицо так пристально, словно пытался прочесть скрытые письмена на коже. Оставляйте. И идите работать, Кира.

Она схватила свою сумку и выскочила за дверь, едва не столкнувшись с курьером. Прислонилась к стене в коридоре, переводя дух. Сердце колотилось где-то в ушах.

Вечером, сидя над остывшим чаем, Кира смотрела на свое отражение в темном окне. Измотанная женщина с чужим румянцем на щеках. Она думала о том, что лестница больше не кажется безопасной. Мысль о долгом подъеме пешком на двадцать восьмой ярус вызывала приступ дурноты. Завтра придется снова спускаться в ту железную коробку.

А если свет опять погаснет? Эта мысль пришла не со страхом. Она принесла с собой странное, тревожное предвкушение. Словно завтрашний день обещал не работу, а испытание. Испытание темнотой и близостью человека, чей взгляд весил больше свинца.

Кира сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы прийти в себя. Прекрати немедленно, приказала она себе. Он твой старший. Ты для него пустое место. Но обмануть собственное трепещущее сердце оказалось гораздо сложнее, чем свести дебет с кредитом.

Глава 2

Бумажная пыль забивалась в ноздри, оседала на языке горьким привкусом старой сажки. Архив располагался в самом низу конторы, ниже первого жилого яруса, там, где каменные своды хранили прохладу даже в самый жаркий летний день.

Сведите эти ведомости с главной книгой за прошлый год, Игорь Олегович положил перед Кирой тяжелую стопку пожелтевших листов. Мне нужен итог к утру. Налоговый смотритель придет рано.

Кира молча кивнула. Часы над дверью показывали половину девятого вечера. Последняя колымага конного двора уйдет через час. Если она не успеет, придется идти пешком через весь спящий город. Но перечить начальнику было равносильно самоубийству. Она подвинула к себе счета и погрузилась в мир цифр.

Игорь работал напротив. Скрип его пера по плотной бумаге звучал в гулком подземелье оглушительно громко. Иногда он вставал, подходил к высоким стеллажам, брал нужный свиток. Каждый раз, когда он оказывался рядом, Кира чувствовала, как пространство сужается. Тепло его тела вытесняло сырость камня. Запах табака здесь, внизу, смешивался с запахом пыли и старого клея.

Она потянулась за карандашом, лежавшим у края его стола. Их руки столкнулись над столешницей. Сухая мозоль на его указательном пальце задела тыльную сторону ее ладони. Кира отдернулась так резко, что едва не опрокинула чернильницу. Сердце пропустило удар, заколотившись о ребра пойманной птицей. Чего он добивается? Зачем сидит тут, дышит мне в затылок?

Осторожнее, залете книгу, ровно произнес Игорь, словно не заметил ее смещения. Он взял со своего края другой карандаш и протянул ей. На этот раз их пальцы не соприкоснулись, но воздух между ними казался густым, наэлектризованным.

Кира опустила взгляд. Пальцы, сжимающие дерево, мелко дрожали. Чтобы скрыть это, она начала переключать листы быстрее, чем следовало. Цифры начали плыть перед глазами. Вентиляционная решетка под потолком издала низкий, протяжный стон. Звук был похож на вздох огромного зверя. Лампа на столе мигнула и погасла.

Подвал погрузился во мрак.

Воздух исчез.

Кирпичные стены, которые она не видела, но ощущала всей спиной, мгновенно сомкнулись, превращаясь в тесный гроб. Грудь сдавило невидимым обручем. Легкие горели, требуя вдоха, но горло перехватило спазмом ужаса. Это была та самая темнота. Темнота лифта. Темнота чердака. Сейчас потолок рухнет. Сейчас нас завалит.

Тише, голос Игоря прозвучал прямо над ухом.

Она не слышала, как он встал и обошел стол. Его большая ладонь легла ей на плечо, а затем переместилась на затылок, заставляя наклонить голову вниз, упереться лбом в прохладное дерево конторки. Дышите носом. Медленно. Раз-два. Выдох ртом. Раз-два-три. Со мной.

Его вторая рука нашла ее ледяные пальцы и накрыла их сверху, грея своим теплом. Большой палец начал медленно поглаживать костяшки. Прикосновение было властным, успокаивающим и до боли нежным. Кира вцепилась в его руку, как утопающий в обломок бревна. Она послушно втянула воздух пахнуло медом, сушеной травой и им. Земля и огонь. Глухота отступила, сменившись оглушительным стуком крови в ушах. Спазм в горле ослаб.

Еще раз, приказал он шепотом. Я держу вас. Стены никуда не делись. Мы просто сидим в комнате.

Когда паника схлынула, оставив после себя лишь противную слабость в коленях и мокрый лоб, Кира поняла, что все еще прижимается щекой к его предплечью. Ткань дорогого костюма впитывала ее слезы стыда. Она дернулась, пытаясь отстраниться.

Свет дали, сказал Игорь, хотя лампа все еще не горела. Видимо, он видел свет из коридора сквозь узкое окно под самым потолком.

Он выпустил ее. Отступил на шаг назад, возвращая между ними законные полтора шага дистанции. Кира осталась сидеть, сгорбившись, глядя на свои колени. Рука помнила тяжесть его ладони. Ноги отказывались держать.

Идите домой, Соколова, его голос снова стал обычным, ровным голосом старшего. Работу закончите завтра. Я подпишу ваш пропуск.

Она схватила свою шаль и бросилась к лестнице, ведущей наверх, прочь из этого склепа. Только глотнув холодного уличного воздуха, Кира смогла выровнять дыхание. Обернувшись на массивную дверь конторы, она увидела силуэт Игоря в освещенном проеме. Он стоял и смотрел ей вслед. Зачем он остался? Почему не ушел вместе со всеми? Эта забота пугала больше, чем открытая грубость.

Глава 3

Ошибка обнаружилась только к обеду следующего дня. Вернее, ошибки не было вовсе. Кира трижды перепроверила расчеты по северному направлению. Все сходилось копейка в копейку. Но вызов пришел по внутренней связи без четверти пять, когда контора уже начинала пустеть. Соколова. Ко мне. Немедленно.

Тон Игоря Олеговича не предвещал ничего хорошего. Обычно сухой и деловой, сейчас он звенел льдом. Кира почувствовала, как внутри все заledenело. Увольнение? Судебный иск от торгового дома? Она сглотнула вязкую слюну и пошла к дубовой двери, чувствуя, как каждый шаг отдается гулким ударом в груди.

В кабинете было темно. Шторы плотно задернуты. Горела только одна настольная лампа, выхватывая из мрака зеленый бархат скатерти и лицо начальника. Оно казалось высеченным из серого гранита. Садитесь, бросил он, не поднимая глаз от бумаг. Объясните мне вот это расхождение.

Он толкнул к ней по столу лист. Кира взглянула на цифры. Ее собственные цифры. Ошибки быть не могло. Здесь нет расхождения, Игорь Олегович, тихо сказала она. Сумма верна. Просто торговец из Твери задерживает поставку шерсти, поэтому расходная часть выглядит меньше ожидаемой. Вот письмо-подтверждение.

Она достала из папки сложенный вчетверо конверт. Протянула ему. Когда он брал бумагу, их руки вновь встретились. На этот раз он намеренно провел большим пальцем по линии ее жизни. Жест длился всего мгновение, но кожу обожгло так, словно она коснулась раскаленной печи. Кира поспешно убрала руку на колени, пряча ее в складках юбки.

Значит, вины вашей нет? спросил он, откладывая письмо. Он откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы в замок. Взгляд его был тяжелым, изучающим. Казалось, он смотрит не на ее лицо, а куда-то глубже, под черепную коробку. Нет.

Повисла тишина. Было слышно, как за окном шумит вечерний город и как тяжело, с присвистом, дышит сам Игорь. Он выглядел уставшим, старше своих лет. Седина на висках сегодня казалась почти сплошной. Хорошо, наконец выдохнул он. Можете идти. Простите за резкость. День выдался... гнетущим.

Кира встала слишком быстро. Колени предательски дрогнули. Доброго вечера.

Она уже взялась за медную ручку двери, когда он окликнул: подождите.

Игорь поднялся, подошел к шкафу. Достал оттуда ту самую глиняную кружку с отваром. Выпейте. Вы опять бледная. Краше в гроб кладут.

Он поставил горячую крышку ей в руки. Пальцы скользнули по краю. Кира сделала глоток. Горько-сладкая жидкость согрела пищевод, но холод внутри не уходил. Она боялась поднять глаза. Боялась увидеть то самое выражение всеведения на его лице.

У вас кто-то болеет? вопрос прозвучал внезапно, глухо. Родственник?

Кира поперхнулась. Настой пролился на край крышки, обжигая губы. Как он узнал? Неужели слухи дошли до верхнего яруса? Или вчера в архиве она проговорила во сне, пока он удерживал ее от падения в бездну страха? Сестра, выдавила она, глядя в пол. Младшая. После гибели родителей... хворает часто. Ничего серьезного, обычная простуда, но...

Она замолчала, кусая губу. Жаловаться начальнику на тяготы жизни было верхом неприличия. Это означало признать свою слабость, свою неспособность справляться самой.

Игорь вдруг оказался совсем близко. Он не сел обратно в кресло. Он стоял над ней, заслоняя собой тусклый свет лампы. Огромный, надежный, источающий уверенность. Лекарства нынче дороги, произнес он утвердительно. Это не было вопросом. Это был факт, который он принял без осуждения.

Кира вскинула голову. В его глазах не было ни жалости, ни брезгливости. Там плескалось нечто иное острая, режущая сталь понимания. Он знал, что такое долг перед семьей. Я справляюсь, прошептала она, сама не веря своим словам.

Разумеется, кивнул он. Затем сделал то, чего она никак не ожидала. Он снял свой тяжелый шерстяной жилет и набросил ей на плечи. Ткань еще хранила жар его тела, пахла сухим деревом и мужским потом. Киру окутало чужое тепло. Захотелось закрыть глаза и спрятаться в этом коконе навсегда. Возьмите. В конторе сквозняки гуляют, а вы одеты легко. Застудитесь.

Он поправил воротник жилета на ее шее. Его большой палец случайно мазнул по ямочке ключицы. Кира замерла. По позвоночнику прокатилась горячая волна, сбивая дыхание. Воздуха вдруг стало мало в просторном кабинете. Она чувствовала каждую ниточку грубой шерсти на своей коже, каждое колебание воздуха от его движений.

Спасибо, сипло выговорила она, вжимаясь плечами в мягкую ткань, чтобы скрыть дрожь.

Игорь отступил. Лицо его снова превратилось в непроницаемую маску строгого надзора. Завтра пришлю к вам человека из хозяйственной части. Пусть посмотрит печь в вашем доме. Топите плохо, угар идет в комнаты, потому сестра и кашляет. Это приказ.

Кира открыла рот, чтобы возразить, сказать, что не нуждается в подачках, но слова застряли в горле. Он загнал ее в угол своей внезапной, тяжелой заботой. Отказать сейчас значило оскорбить его сильнее, чем если бы она швырнула ему в лицо эти бумаги.

Идите, повторил он тише. И перестаньте смотреть на меня так, будто я собираюсь вас съесть.

Она вылетела из кабинета, прижимая к груди чужой жилет. В коридоре никого не было. Кира прислонилась к холодной стене, закрывая глаза. Шерсть пахла озоном вперемешку с запахом его кожи. Она зарылась лицом в воротник, вдыхая глубоко, жадно, пьянея от этого аромата. Что ты творишь, глупая? кричал разум. Он покупает твою покорность! Но тело, глупое, трепещущее тело отвечало иначе: оно хотело завернуться в этот запах с головой и никогда не вылезать наружу.

Спускаясь по широкой лестнице вниз, она заметила вешалку для гостей. На крюке висело его пальто. Кира остановилась. Не отдавая себе отчета, она шагнула вперед. Прижала ладонь к плотному драпу. Ткань была чуть влажной от растаявшего снега. Она поднесла пальцы к лицу. Тот же запах. Земной, настоящий, мужской.

Сверху хлопнула дверь. Кира отпрянула от вешалки, словно воришка, застигнутый на месте кражи, и бегом бросилась на улицу, в холодный осенний морок.

Глава 4

Печь осмотрели на следующий день. Мужик из хозяйственного приказа долго качал головой, цокал языком, пачкая сажей чистое полотно рубахи, но признал: тяга никудышная, того и гляди задохнутся. К вечеру старую кирпичную развалину разобрали, а к ночи поставили новую, беленую, с широким устьем. Игорь сдержал слово, не сказав при этом ни единого лишнего слова лично передал распоряжение через старшую ключницу.

Кира стояла посреди малой кухни, глядя на ровное пламя в новой топке. Тепло волнами расходилось по дому, прогоняя вековую сырость из углов. Света спала в соседней комнате, дыша свободно, без привычного булькающего хрипа. Впервые за долгие месяцы дом перестал напоминать склеп. Он стал домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.